

О ВОЗМОЖНОСТЯХ КАЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В ряду актуальных проблем современной исторической фразеологии свое место занимает проблема ее качественной характеристики. Какие типы фразеологических единиц существовали в прошлом? Фразеологические составы, например, древнерусского или старорусского языков были неоднородными, это установлено, но какие именно единицы в них были представлены? Может ли быть применено к исторической фразеологии существующее учение о типах фразеологических единиц?

О том, что наука стремится ответить на эти вопросы, свидетельствует маркировка фразеологизмов в современных исторических словарях. Как известно, наиболее привычным и распространенным знаком устойчивых словосочетаний является “ромб” (◊), поэтому зона подачи фразеологизмов в словарной статье получила в лингвистическом просторечии название *заромбовая часть*. Историческая лексикография не в полной мере следует этой “ромбовой” традиции.

Раньше других среди исторических словарей нового времени стал издаваться “Словарь русского языка XI – XVII вв.”, авторы которого в предисловии указали, что фразеологические единицы помечаются в издании “ромбом” (◊) [8, т.1, с.10].

В 1984 году вышел вспомогательный том “Словаря русского языка XVIII в.”, в котором содержался указатель источников и правила пользования словарем. Авторы отдельно оговорили способы подачи фразеологизмов, указав, что эти единицы приводятся в конце словарной статьи со знаком ~ (тильда), за исключением фразеологических и полуфразеологических (термины авторов – Т.Т.) выражений, вводимых за семантическим ромбом в саму словарную статью [3, с.32]. Следовательно, предложена двоякая маркировка фразеологизмов: тильда и ромб.

Следующим по времени стал выходить “Словарь древнерусского языка XI – XIV вв.», первый том которого увидел свет в 1988 году, хотя введение, инструкции, список источников, пробные статьи были опубликованы под редакцией Р.И. Аванесова еще в 1966 году. Изначально предлагалось помечать ФЕ ромбом светлым (◊), если она относится к одному из значений слова, и ромбом темным (◆), если относится к многозначному слову в целом [4, с. 83]. В предисловии же к первому тому указано, что фразеологические единицы в словаре помечаются черным ромбом (◆) или двумя черными ромбами (◆◆), если трудно установить, к какому значению слова фразеологическая единица относится [3, т.1, с.13].

В главе 8 проекта “Словаря русского языка XIX века” указано, что для выделения фразеологических единиц используется знак ~ (тильда) [6, с.149] и что нерегулярные формы употребления фразеологической единицы (оказионального или индивидуально-авторского характера) помещаются

внутри словарной статьи за соответствующими знаками и выделяются тем же шрифтом, что и заголовочные (регулярные) формы. Приведены примеры: ~ **Перейти рубикон, перейти за рубикон, Δ скакнуть за свой рубикон** [6, с. 151]. Если в словаре рассматривается только индивидуально-авторская модификация фразеологизма, то для его маркировки используется комбинация знаков. Например, индивидуально-авторский вариант известного с XVIII в. фразеологизма **строить воздушные замки** предлагается подать в словаре так: Δ ~ **делать на воздухе замки (К.Н.Батюшков)** [6, с.151]. Индивидуально-авторские образования помечаются таким же образом.

Существенным достижением современной исторической восточнославянской лексикографии является подготовка и издание “Гістарычнага слоўніка беларускай мовы”, который призван охватить лексико-фразеологический состав белорусского языка периода конца XIV – начала XVIII вв. [1, с.8]. В предисловии подробно оговариваются способы подачи в словаре фразеологического материала. А.И.Журавский, автор предисловия, подчеркивает, что если фразеологическая единица относится к одному из значений многозначного слова, то она помечается светлым ромбом (◇), если же фразеологизм относится к многозначному слову целиком, то помечается темным ромбом (◆) [1, с.43].

“Словник староукраїнської мови XIV –XV вв.” помечает ФЕ светлым ромбом (◇), но если эти единицы связаны с одним значением слова, то они идут за словом без ромба [9, с.15].

В “Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв.” фразеологизмы помечаются тремя способами: идиомы даются под светлым ромбом (◇), единицы с мотивированным значением (терминология авторов – Т.Т.) помечены треугольником (Δ), устойчивые словосочетания имеют при себе знак > [5, с. 14]. В соответствии с классификацией фразеологизмов, предложенной Б.А.Лариным, в лексикографическом описании различаются три типа устойчивых оборотов, выделяемых в словарной статье определёнными знаками: идиомы, метафорические фразеологизмы и устойчивые словосочетания. Последний разряд широко представлен в источниках и включает терминологические словосочетания, стилистические шаблоны, составные союзы, словосочетания, содержащие слова с фразеологически связанным значением и т.п.: > Белое серебро. *Чистое, без примесей серебро. Вкл. Новоспасск. XVII в.;* > Белый день. *Светлое время суток. РД I, 1667 г.;* > Бархат посконный. *Грубая ткань, наполовину льняная, наполовину шерстяная. Аноним. разг., XVI в.;* > Безвестно сбежать (сбрести, сойти и др.). *Уйти неизвестно куда, не подавая о себе вести. Ст. сп. Писемского, 1583 г.;*

Одной из главных причин неоднозначности маркировки мы склонны считать осознание неоднородности фразеологии и стремление эту неоднородность зафиксировать. Применительно к истории языков важно принять во внимание трудности интерпретации фразеологического материала, связанные с фактором времени. Известные критерии выделения фразеологических единиц во многом базируются не только на объективных

их свойствах, но и на том, как эти свойства воспринимаются и трактуются языковой личностью. Это утверждение, по нашему мнению, оказывается особенно значимым, когда речь идет об изучении фразеологического состава языка прошлых эпох. Было бы наивно полагать, что современный исследователь в состоянии абсолютно адекватно воспринять как сам факт семантической транспозиции лексико-грамматического состава словосочетания, так и степень этой транспозиции. Однако исследователь вправе пользоваться доступным ему инструментом познания.

В качественной оценке исторической фразеологии свою роль играет количество сохранившихся памятников письменности: чем больше таких памятников сохранилось, чем чаще зафиксирована в них та или иная единица, тем точнее она будет установлена и квалифицирована.

Как показывает накопленный опыт научной и лексикографической деятельности, стремление выделить фразеологическую единицу не покидает исследователей даже тогда, когда количество дошедших до нашего времени текстов ограничено. Так, например, в проспекте «Фразеологического словаря старославянского языка» (2006) указано, что из 20 старославянских текстов ими извлечено около 4000 фразеологизмов, которые и составят будущий словарь. Оказавшись в условиях оценки языковых явлений прошлого, исследователям не остается больше ничего делать, как руководствоваться современными знаниями, современным характером мышления.

Во вступительной статье к упомянутому проспекту фразеологического словаря известный фразеолог В.М.Мокиенко указывает на одну проблему, которая непосредственно связана с историко-фразеологическими исследованиями. Он пишет: «Немалые трудности представляет сейчас само выделение устойчивых словесных комплексов из общей базы данных старославянского языка: в древнейший период устойчивое и неустойчивое во многом еще находилось *in statu nascendi*, а идиоматическое ядро фразеологии еще не приняло даже более или менее четких очертаний» [10, с.6]. Означает ли это утверждение то, что фразеологические составы языков имели свое начало, этапы развития?

В теории фразеологии довольно много внимания уделяется рассмотрению процессов образования фразеологизмов. Установлено, что возникновение фразеологизма обусловлено тем, что нередко возникает необходимость определенное значение, выраженное одним словом или словосочетанием, передать через какой-то образ. Одни исследователи (Б.А.Ларин, А.В. Кунин, Л.И.Ройзензон, Е.И.Диброва) считали, что фразеологизмы формируются в течение длительного времени, другие (И.С.Торопцев, Ю.Я.Бурмистрович) считают, что процесс образования фразеологизмов протекает довольно быстро [2, с. 104]. Для решения концептуальных вопросов происхождения фразеологии эти утверждения имеют опосредованное значение. Существенным оказывается, как нам представляется, другое.

Общепризнанным является тот факт, что в образовании фразеологизмов особое значение имеет внутренняя форма – тот образ

(реальный или ирреальный), который лежит в основе наименования фразеологического оборота [2, с.103]. Понятие образа, следовательно, подразумевает особый уровень развития человеческого мышления, тесно связанного с языком. Тогда в самом общем виде можно предположить, что лишь на определенном этапе эволюции древнего славянина формируется его способность продуцировать фразеологические единицы, устойчивые словесные комплексы. Причем в самом начале это именно устойчивые словесные комплексы неидиоматического характера, поскольку идиоматичность приобретается в процессе фразеологизации, «когда словосочетание перерождается во фразеологизм, а слова деактуализируются в семантическом отношении, доходя в своем крайнем проявлении этого качества до потери собственного значения» [2, с. 127].

Подтверждается ли наша предположительная оценка генезиса фразеологии имеющимися фактами? Приведенное выше умозаключение В.М.Мокиенко свидетельствует как бы в пользу наших предположений. Косвенно эти предположения подтверждают авторы проспекта «Фразеологического словаря старославянского языка», настаивая на термине «устойчивые словесные комплексы» и относя к этим единицам фразеологизмы идиоматического характера.

Основным аргументом в пользу высказанного предположения могут служить наши наблюдения над фразеологическим составом древнерусской деловой письменности. Пока в очень обобщенном виде можно утверждать, что идиоматических единиц в древнерусском языке действительно немного, хотя они есть. Приведем некоторое количество выразительных древнерусских идиом, отмеченных нами и существующими историческими словарями. Например, *избити роуки 'о расторжении брачного договора'* [СДЯ, т. 3, с. 458], *възставити рать 'начать войну'* [СДЯ, т. 2, с. 123], *възстати ратью, възстати на рать 'начать войну'* [СДЯ, т. 2, с. 128], *въступити (ся) въ соудъ 'обратиться в суд', въстоупити въ любовь 'заключить союз'* [СДЯ, т. 2, с. 223], *въходити въ половину, въ часть 'получать по наследству'* [СДЯ, т. 2, с. 230], *выбити челомъ 'добиться настойчивой просьбой'* [СДЯ, т. 2, с. 236], *вывести виру 'снять штраф'* [СДЯ, т. 2, с. 237], *выя высокая (жестокая, жесткая, ожесточаная) 'гордо поднятая голова'* [СДЯ, т. 2, с. 263].

Впрочем, учитывая характер древней фразеологии и временную дистанцию, отделяющую исследователя от объекта исследования, прямолинейный вопрос о том, когда появляются идиоматические словосочетания, можно считать и не правомерным.

Оценивая качественный состав исторической фразеологии невозможно пройти мимо такого явления, как «серийные выражения». Например, с компонентом *люди* нами зафиксировано около двухсот неоднословных наименований (*люди беглые, бедные, бессемейные, ближние, богатые, боярские, бродячие, воинские, волостные, воровские, выборные, городовые, дворовые, добрые, домовые, думные, деревенские, дворянские, дозорные, духовные* и т.д.), с компонентом *грамота* – 114, *книга* – 137, *двор* – 56,

запись – 49, *память* – 48, *приказ* – 40, *земля* – 37, *место* – 32, *деревня* – 24 и т.д. По степени спаянности компонентов подобные единицы тоже неоднородны, однако большую их часть составляют фразеологизированные образования. Фразеологические признаки в них находятся в зачаточном состоянии или проявляются не в системе, однако налицо повторяемость и устойчивость, немалой части свойственна семантическая транспозиция лексико-грамматического состава. Не вызывает сомнений терминологический характер этих единиц, который, как известно, является параметром другой, «нефразеологической» плоскости. В.В. Виноградов, например, относил составные термины к фразеологической системе языка, говоря об их близости к единствам, а некоторых – к сращениям. Его поддерживают и другие исследователи, считая, что составные термины обладают основными признаками фразеологических единиц и не отличаются от фразеологизмов-нетерминов принципиально.

Наше обращение к историческому фразеологическому материалу показало, что оценить его качественно можно, применив при этом критерии оценки современных фразеологизмов. Вне всяких сомнений, такая оценка будет абсолютно точной или максимально точной лишь в части случаев в оппозиции идиоматическое выражение – фразеологизированное выражение. Теории качественной оценки исторической фразеологии пока нет, и ясным оказывается одно: историческая фразеология обладает рядом специфических черт, которые нуждаются в дальнейшем выявлении и осмыслении.

Литература

1. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Т.1. – Мінск, 1982.
2. Жуков В.П., Жуков А.В. Русская фразеология. – М., 2006.
3. Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. Введение, инструкции. - М., 1966.
4. Словарь древнерусского языка. XI-XIV вв. Т. 1 / Под ред. Р.И.Аванесова. – М., 1988.
5. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв. В.1. – СПб., 2004.
6. Словарь русского языка XIX в. Проект. – СПб., 2002.
7. Словарь русского языка XVIII в. Правила пользования. Указатель источников. – Л., 1984.
8. Словарь русского языка XI-XVII вв. Т. 1. – М., 1975.
9. Словник староукраїнської мови XIV – XV вв. Т.1. – Київ, 1977.
10. Фразеологический словарь старославянского языка. Проспект. – Магнитогорск, 2006.